

1.1.3. Июнь 1953 года

Тем временем, 2 июня в Москву были вызваны руководители ГДР, только что снова плеснувшие керосина в огонь, объявив о десятипроцентном повышении норм выработки на всех промышленных и строительных предприятиях. Берия вручил им распоряжение Совета министров СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в Германской Демократической Республике», в котором курс на ускоренное строительство социализма объявлялся ошибочным и главной причиной «в высшей степени неудовлетворительного политического и экономического положения». А далее следовали рекомендации распустить те сельскохозяйственные производственные кооперативы, которые были созданы недобровольно или оказались нежизнеспособными, квалифицировать как преждевременную политику ограничения и вытеснения среднего и мелкого частного капитала, смягчить систему налогообложения частных предпринимателей, вновь выдать им, а также лицам свободных профессий продовольственные карточки, снизить темпы развития тяжелой промышленности и резко увеличить производство потребительских товаров, сделать уже в ближайшее время возможным отмену карточной системы распределения продовольствия, пересмотреть приговоры и выпустить из заключения лиц, «привлеченных к ответственности без достаточных на то оснований», положить конец голому администрированию в отношении служителей культа. И, наконец, «проводившуюся до сих пор пропаганду необходимости перехода ГДР к социализму следует рассматривать как ошибочную, поскольку она толкает партийные организации СЕПГ на слишком упрощенные и поспешные шаги как в социальной, так и в экономической областях»{157}.

Затем в ЦК КПСС с ними, в присутствии командующего группой советских войск в Германии генерала армии А.А. Гречко и его бывшего политического советника, а теперь верховного комиссара СССР в Германии В.С. Семенова два раза, 3 и 4 июня, встречались Берия, Маленков, Хрущев, Булганин, Микоян и другие члены коллективного руководства. И на обеих встречах, носивших марафонский характер, речь шла о пересмотре всей политики. Как можно судить из собственноручных записей председателя Совета Министров ГДР О. Гротевольа, сделанных им за столом переговоров, Берия и Маленков очень настойчиво указывали на серьезность положения и необходимость радикальных перемен. Берия сказал, что немецких товарищей не собираются в чем-то упрекать, ведь «все мы участвовали в ошибках», но сложившуюся ситуацию нужно «немедленно и решительно выправить». Каганович видел особенно тревожный признак в массовом бегстве граждан ГДР на Запад. А Маленков предостерег:

– Если мы не внесем коррективы сейчас, наступит катастрофа! При этом он потребовал сделать это открыто, не опасаясь потери

престижа. Молотов его поддержал, заметив, что, поскольку совершено много ошибок, их нужно «исправить так, чтобы это увидела вся Германия»{158}. Немцам потребовались немалые усилия, дабы преодолеть шок от услышанного.

11 июня Совет Министров ГДР исправил «ошибки, допущенные в снабжении населения, в налогообложении и сельскохозяйственных поставках», отменив ограничения в выдаче продовольственных карточек, снизив коммерческие цены на продукты, содержащие сахар, прекратив принудительные меры по взиманию налоговой задолженности с крестьян, ремесленников и частных предприятий, восстановив льготные проездные тарифы для рабочих, служащих, учащихся и инвалидов, обещав пересмотреть все следственные и судебные дела, «чтобы немедленно устранить неправильные решения»{159}. Однако такой поворот на 180 градусов все же оказался запоздалым. Мало того, он не только не погасил народное волнение, но и подхлестнул события: веры в то, что коммунисты реально готовы начать перемены, не прибавилось, зато возникло ощущение, что после смерти Сталина железная хватка ослабла, а руководство СЕПГ в растерянности.

А в Москву тем временем на очередную выволочку вызывается венгерская партийно-правительственная делегация. 13 июня 1953 года Берия, сидевший напротив Ракоши, бросал ему:

– Хватит прославлять вождей, прославлять Сталина!{160} Венграм было снова предложено разделить посты руководителей

правительства и партии. Им дали понять, что первый из них считают более важным, чем

второй. Причем Берия сказал, что задача партии должна состоять в том, чтобы «как следует вести агитацию и пропаганду и, кроме того, поддерживать правительство в выполнении его мероприятий»{161}.

Когда венграм рекомендовали, помимо прочего, разрешить крестьянам выход из сельскохозяйственных производственных кооперативов и роспуск самих кооперативов по желанию их членов, а один из них, беспартийный И. Доби заметил, что так нельзя, что это чревато бедой, Молотов бросил реплику:

– Ошибаетесь, именно это поможет вам создать по-настоящему крепкие кооперативы{162}.

Вряд ли он так считал на самом деле, но все же подыгрывал Берии.

Между тем, в ГДР среди рабочих продолжались дискуссии и даже частичные прекращения работ с требованием отменить десятипроцентное повышение норм выработки. Соответствующие письма и обращения трудовых коллективов направлялись правительству. Но ответа на них не было. А 16 июня в профсоюзной газете «Tribune» появилась статья, из которой следовало, что новые нормы остаются в силе. Возмущенные рабочие главной стройки столицы ГДР – зданий на аллее Сталина и больницы «Фридрихсхайн» – прекратили работу и направились к правительственным зданиям на Лейпцигерштрассе, потребовав, чтобы к ним вышли и держали ответ Гротеволь и Ульбрихт. Вместо них к ним вышли два министра и один из секретарей окружкома. Они стали заверять, что повышение норм уже отменено. Но этому никто уже не верил. К забастовщикам и демонстрантам стали присоединяться рабочие других предприятий. Через несколько часов весь город был охвачен волнениями. В них участвовало до 100 000 человек. Повсюду срывались коммунистические лозунги и портреты Сталина, раздавались выкрики:

– Козлобородый (т.е. Ульбрихт. – Ю. А.) – должен уйти! Русские, убирайтесь вон!

С Брандербургских ворот сбросили красный советский флаг и водрузили черно-красно-золотой немецкий. Поскольку никто из высших руководителей так и не посмел показаться перед разгневанной толпой, через громкоговорители было объявлено, что забастовка и манифестация продолжатся и на следующий день. Столицу поддержала провинция: подобные же забастовки и демонстрации с участием до 400000 человек имели место в 272 общинах из 10 000.{163} Кое-где штурмом брались тюрьмы и разгонялись функционеры СЕПГ. Партийные руководители оказались в растерянности, граничащей с паникой.

На следующий день, 17 июня, все ждали обращения руководства партии и страны к народу, но по радио звучали вальсы из оперетт. Зато каждый час западноберлинская радиостанция передавала требования стачечников, ставшие к этому времени уже и политическими: «Выплата заработной платы в соответствии с прежними производственными нормами, немедленное снижение цен на товары и услуги первой необходимости, свободные и прямые выборы, никаких репрессий по отношению к бастующим»{164}.

Такая эскалация событий побудила советские оккупационные власти после консультаций с Москвой прибегнуть к силе оружия. Около 11 часов утра на улицах Берлина появились танки, взявшие под охрану все правительственные здания. В город были введены, по крайней мере, две дивизии. Примерно в полдень раздались и первые выстрелы. Посчитав, что стачка перерастает в мятеж, советский комендант города генерал-майор П.А. Диброва объявил о введении чрезвычайного положения. И толпы демонстрантов рассеялись. То же самое произошло и в других городах. Тем не менее без жертв не обошлось. По опубликованным в те дни официальным данным, погибли 25 человек. Современные немецкие историки полагают, что число погибших демонстрантов было не менее 52 человек, а может быть и превысило две сотни, были убиты также несколько десятков партийных функционеров и 18 советских солдат. Около 10000 человек оказалось за решеткой, из которых 1268 предстали перед судом, а 319 переданы советским военным комендатурам, советские военные трибуналы вынесли в последующем около 20 смертных приговоров{165}. Для координации действий по подавлению восстания в Берлин вылетел Берия. А Хрущев тем временем, ссылаясь и на мнение Булганина, сумел убедить Маленкова в том, что в недрах министерства внутренних дел готовится заговор против коллективного руководства и что необходимо срочно что-то предпринять для его срыва. Затем Хрущев, уже от имени Маленкова и Булганина, сообщил Молотову о намерении лишить

Берию всех руководящих постов. Тот, согласившись, посчитал это недостаточным и высказался за то, чтобы «пойти на крайние меры». Следующими были Сабуров и Каганович. Некоторые трудности возникли у Хрущева с Ворошиловым, а у Маленкова с Первухиным. Но они были преодолены. Особой оставалась позиция Микояна:

– Берия действительно имеет отрицательные качества. Но он не безнадёжен, в составе коллектива может работать {166}.

Все решилось 26 июня. Утром Булганин вызвал к себе командующего противовоздушной обороной Москвы генерала К.С. Москаленко и, когда тот явился к нему, спросил:

– Вам звонил товарищ Хрущев?

Тот подтвердил, что да, звонил и просил быть готовыми с картами и планами ПВО явиться в Кремль к председателю Совета министров Маленкову. На вопрос министра «сколько с вами людей и вооружены ли они?» генерал ответил, что пять и что у всех у них пистолеты,

– Это хорошо, но очень мало. Надо арестовать Берия. Охрана у него в Кремле сильная и большая, преданная ему. Кого, ты считаешь, можно еще привлечь, но без промедления?

Кандидатура заместителя министра маршала Василевского была сразу же отвергнута. Тогда Москаленко, в свою очередь, спросил Булганина, кто сейчас из влиятельных военных находится в министерстве, а услышав имя другого заместителя, маршала Жукова, предложил привлечь именно его. Булганин сразу же согласился, заметив, правда, что с ним уже беседовали и он сам, и Маленков.

– Кого, ты считаешь, еще можно пригласить?

Первым Москаленко назвал заместителя начальника Главного политического управления генерал-майора Брежнева:

– Я его знаю по войне в составе 1-го и 4-го Украинских фронтов как храброго и мужественного генерала, политработника, преданного партии и народу. С ним я многократно встречался в боевых условиях.

Вторым был назван еще один заместитель начальника Главного политического управления генерал-лейтенант Шатилов, третьим – генерал-лейтенант танковых войск Гетман, четвертым – генерал-полковник артиллерии Неделин. Всех их он знал по войне. Пятым Булганин предложил члена военного совета МВО генерал-полковника Пронина, которого он знал еще с довоенных времен. Все они тут же явились в кабинет министра и были ознакомлены с предстоящей операцией. Правда, оружия ни у кого не оказалось, а времени было мало. Булганин отдал свой пистолет Брежневу.

Часов в 11 спустились вниз и расселись по машинам: Булганин с Москаленко и его офицерами в свою, Жуков с прочими – в свою. Оба автомобиля имели правительственные номера и сигналы и не подлежали проверке при въезде в Кремль. Подъехали к зданию Совмина, поднялись на третий этаж и вошли в приемную, где Булганин и оставил их, войдя в бывший сталинский кабинет. Спустя несколько минут он вышел к ним вместе с Маленковым, Молотовым и Хрущевым. «Они начали нам рассказывать, – вспоминал шесть лет спустя Москаленко, – что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит, кто куда ездит, с кем встречается, грубит со всеми и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова – Суханова, нам нужно будет войти в кабинет и арестовать Берия. К этому времени он еще не прибыл. Вскоре они ушли в кабинет Маленкова» {167}.

Официально в этот день должно было состояться заседание Президиума Совета министров. Но когда все собрались, Маленков предложил:

– Тут присутствуют все члены Президиума ЦК. Поэтому давайте вначале обсудим партийные дела. Есть вопросы, которые требуют нашего немедленного решения.

Никто не возражал. Как было условленно заранее, слово попросил Хрущев:

– Предлагаю обсудить дело Берии {168}.

И тут же первым взял слово. После него выступил Булганин. И он, и все другие, кроме Микояна, высказались за то, чтобы поставить перед пленумом ЦК вопрос об освобождении Берии со всех постов, которые он занимал. Маленков, забыв, наверное, от волнения даже проголосовать это предложение, нажал на секретную кнопку, и из приемной и задней комнаты

в кабинет сразу же ввалились военные. Москаленко приставил к Берии пистолет, а Жуков принялся его обыскивать. Затем его увели в комнату отдыха, а заседание продолжилось с участием Жукова: надо было оформить решение о созыве пленума ЦК, назначить генеральным прокурором такого человека, которому можно доверить «объективное» следствие и решить вопрос, где содержать арестованного. Первому заместителю министра внутренних дел Круглову никто не доверял. Другого заместителя, Серова, Хрущев считал честным человеком и предложил поручить охрану ему. Однако остальные посчитали необходимым «быть все-таки поосторожнее». Договорились, что лучше всего с этим справятся не чекисты, а военные. И поручили это дело Москаленко.

Уже находясь в тюрьме, Берия пишет оттуда Маленкову письма с напоминаниями о дружбе: «Никогда не забывал я твое большое товарищеское отношение ко мне, когда я по известным тебе (причинам. – Ю. А.) в подавленном настроении вылетал в 1948 г. в район Семипалатинска Каз. ССР, где, как известно, успешно завершилось испытание ядерного оружия»{169}. Но напоминания о былой дружбе и былых заслугах помочь ему уже не могли. Участь его была решена.

2-7 июля 1953 г. дело Берии рассматривалось на специальном пленуме ЦК КПСС. С кратким докладом о сути этого дела выступил Маленков. В нем впервые прозвучала критика Сталина, правда весьма робкая, завуалированная, безымянная. «Значительными ненормальностями» было признано то, что «у нас годами не собирался пленум ЦК» и «Политбюро перестало нормально функционировать, как высший партийный орган». Было сказано и о том, что «никакой пост, никакие прошлые заслуги не должны препятствовать очищению партии от зарвавшихся вельмож». Признавалось, что министерству внутренних дел удалось «стать над партией, подчинить государственный аппарат, стать над правительством». Но тут же, словно испугавшись сказанного, Маленков завел заезженную пластинку про «пережитки капитализма», «классовую борьбу» и «повышение революционной бдительности»{170}.

После него слово было дано Хрущеву. Его выступление оказалось более продолжительным по времени и более существенным по содержанию. Между прочим, он сказал:

– Давайте посмотрим назад, возьмем период последних десяти лет. Какие заговоры внутри нашей страны были открыты министерствами внутренних дел и государственной безопасности? Было много липовых, дутых дел, а заговоров никаких.

– Правильно, никаких, – поддержал его Ворошилов.

– Давайте посмотрим дела 1937-1938 годов, – продолжил Хрущев. – Среди них также было много липовых дел.

– Больше половины липовых, – уточнил кто-то из президиума{171}. Из его рассказа, между прочим, свидетельствовал главный редактор «Литературной газеты» и кандидат в члены ЦК К.М. Симонов, самым естественным образом следовало, что именно он, Хрущев, сыграл главную роль в «поимке и обезоруживании этого крупного зверя», то есть в аресте Берии. Для Симонова это было совершенно очевидным. А то, что Хрущев оказался инициатором этого дела, объяснялось тем, что «он оказался проницательнее, талантливее, энергичнее и решительнее, чем все остальные». А с другой стороны, делал Симонов вывод из рассказа Хрущева, получалось, что такой мастер интриги, как Берия, «недооценил Хрущева, его качеств, его глубоко природной, чисто мужицкой, цепкой хитрости, его здравого смысла, да и силы его характера»{172}.

В прениях, естественно, говорили главным образом о Берии. Касались и сталинской темы, но осторожно, с оговорками, сводя все к тому, что слабости и недостатки покойного ловко использовал Берия. Были и такие, кто вообще отрицал наличие какого бы то ни было культа личности, полагая, что сама постановка этого вопроса явилась следствием проделок Берии. А бывший член Политбюро А.А. Андреев усмотрел тут и интриги «против преемника товарища Сталина – товарища Маленкова». Тот вынужден был вмешаться, прервать его репликой:

– Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет. Оратор же стоял на своем:

– Вы являетесь председателем Совета Министров, а этот пост занимал товарищ Сталин.

Бурные аплодисменты, сопровождавшие эти слова, говорили о многом. Но президиумом такой энтузиазм поддержан не был. Нравилось или нет Маленкову звание «преемника», неясно, однако в своем заключительном слове он посчитал необходимым вернуться к вопросу о культе личности: «Культе личности товарища Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы», что привело к таким ошибкам, как пагубная налоговая политика в деревне, бредовая идея продуктообмена, выдвинутая в последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР», затея со строительством Туркменского канала{173}. Для многих сидящих в зале это был холодный душ, для кого-то – потрясение основ и, может быть, совсем для немногих – первый глоток долгожданной правды. Посчитал себя обязанным Маленков и ответить на затронутый Андреевым вопрос о преемнике Сталина, категорически заявив:

– Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника. Преемником великого Сталина является крепко сплоченный, монолитный коллектив руководителей партии... Такой коллектив, сплоченный на принципиальной основе великого учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина у нас есть. Партия его знает. Он и является преемником товарища Сталина{174}.

Материалы пленума были опубликованы едва ли не через сорок лет. Современники же узнали о новом строении верховной власти из передовой статьи «Несокрушимое единство партии, правительства, советского народа» того номера газеты «Правда» от 10 июля 1953 г., в котором стране сообщалось об аресте Берии и только что состоявшемся пленуме ЦК КПС. В этой передовой разъяснялось, что «коллективность – высший принцип руководства в нашей партии», который «полностью отвечает известным положениям Маркса о вреде и недопустимости культа личности»{175}. Таким образом новые руководители публично объявили, что они отказываются от передачи исключительных полномочий почившего вождя одному лицу, пообещав, что будут править сообща.

Своеобразие политической обстановки в стране в то время заключалось в том, что перемены, происходившие во власти, не сопровождались еще переменами в общественной жизни. Она все еще находилась в оболочке культа личности Сталина, который по-прежнему олицетворялся, если не официальной пропагандой, то обществоведами и особенно массовым сознанием с классиками марксизма-ленинизма. И если Берия весной 1953 г. попытался, хоть и не в прямую, а косвенно поставить под вопрос возвеличивание Сталина, то на июльском пленуме ЦК КПСС были заданы совершенно иные параметры темы культа личности. Вся ее критическая направленность определенно концентрировалась исключительно на фигуре Берии. Это выглядело вполне естественно, так как он теснейшим образом был генетически связан с «вождем», наделен практически всеми его качествами. Беспрецедентные преступления сталинского режима участники пленума и, прежде всего, руководители страны записали на счет Берии, выставив его главным виновником существовавших беззаконий, обманувшим партию и государство. Все это объяснялось перерождением Берии, его негативными качествами, властным характером, органической неспособностью делить власть с кем-либо{176}.

Сходство проведения дела Берии с политическими процессами 30-50-х годов подмечает и очевидец событий О. Трояновский. В своих воспоминаниях он пишет: «И хотя вряд ли нашлась бы хоть горсточка людей, которая симпатизировала бывшему главному кагебисту, все же пленум оставил известное чувство неудовлетворенности. Ибо выступал как своего рода Верховный суд, постановление которого предвосхищало и предreshало выводы приговора настоящего суда, который состоялся шестью месяцами позже. К тому же дело Берии рассматривалось на пленуме без участия самого подсудимого. Скептицизм, чтобы не сказать больше, вызывался и ничем не обоснованными обвинениями в адрес Берии, будто он агент иностранных разведок. И, пожалуй, самое главное – как мог Берия и иже с ним творить свои злодеяния без ведома Сталина? Какова была роль нашего кормчего во всех этих делах?»{177}.

На этот вопрос июльский пленум ЦК КПСС ответа не давал.

Обращает на себя внимание тот факт, что последовавшее затем формальное осуждение Берии проходило в полном соответствии с традициями 30-40-х годов. Руководители партии и правительства пристально и лично следили за ходом суда. Его трансляция шла непосредственно в их кабинеты{178}. На ходе судебного разбирательства безусловно сказывалось решение

плenums ЦК КПСС, который дал определенные оценочные формулировки. Стенограмма пленума не публиковалась, но в информационном сообщении о нем говорилось: «Заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК – т. Маленкова о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над правительством и Коммунистической партией Советского Союза, Пленум принял решение – вывести Л.П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа»{179}.

Как и в недавнем прошлом, сообщения подобного рода вызывали бурное негодование трудящихся, словно соревновавшихся в изощренности сильнее заклеить очередного разоблаченного врага. К примеру, гражданина Алексева из Днепропетровской области разоблачение Берия настроило на поэтическую волну: «Я не прошу, я требую по праву / Стереть с лица земли тебя, змею. / Ты меч поднял на честь мою и славу, / Пусть он обрушится на голову твою»{180}. Гражданин Нудько из Кустаная (Казахская ССР) предлагал другой вариант наказания: «Берия не должен быть физически уничтожен. Для него смерть лучшая награда, которой он не достоин. Он не человек, а зверь. А поэтому его следует посадить в клетку... и возить по городам, великим стройкам коммунизма, по заводам, шахтам, колхозам, показывая труженикам его озверелую физиономию»{181}. Но вряд ли можно согласиться с мнением писателя И.Г. Эренбурга, утверждавшего, что всеобщая радость населения была вызвана тем, что его «все ненавидели, рассказывали о нем как о человеке, развращенном властью, жестоком и низком»{182}. Эти чувства могли разделять высшие сановники и близкие к ним литераторы². Для населения же он был лишь одним из сталинских соратников, и массовое отрицательное мнение о нем стало складываться только после зачитки в партийной среде закрытого письма ЦК, в котором были озвучены многие негативные моменты в отношении Берии, прозвучавшие на пленуме ЦК.

Поверили обвинениям 72% опрошенных в 1998 г. и 60% опрошенных год спустя. Верил всему, что говорила партия, рабочий Красногорского оптико-механического завода В.А. Бакин. «Раз арестовали, значит, было за что», – рассуждал слесарь Воронежской ГРЭС И.Н. Комов. «Зря не обвиняли, он этого стоил», – была уверена Е.А. Дубовицкая, бухгалтер из Смоленской области. «Ходили слухи, что Берия отравил Сталина», – свидетельствовала маляр автокранового завода в Балашихе К.М. Селиванова. «Когда мы узнали, что творил Берия, были просто потрясены, – вспоминает А.А. Орлова, нормировщица 22-й дистанции пути из Чаплыгина. – У нас возникло к нему чувство враждебности. Никто его не защищал». Поверил, но только отчасти, 10-классник из Барвихи Ю.М. Лукашенко. Поверила, но далеко не сразу, станочница Московского завода сельхозмашин З. И. Прусова. Поверила, хотя и очень удивлялась, «как Сталин это допустил», жена военнослужащего Р.И. Максимова{183}.

Из них поверили и в то, что агент английской разведки, соответственно 16 и 14% опрошенных. «Верили, потому что так говорили наши мужики», – объясняла смоленская колхозница А.Ф. Тихонова. «От него всего можно было ожидать», – утверждал техник трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов. «Раз советская разведка внедрялась в высшие органы управления других стран, то почему Берия во время гражданской войны не мог связаться с английской разведкой?» – рассуждал военнослужащий из Кричева-6 И.А. Курлов{184}.

В то же время, поверив всем другим, этому обвинению не поверили, сомневались в нем соответственно 26 и 21% опрошенных. «Все знали, как у арестованных выбивают признания, еще свежи были воспоминания о процессах промпартии, троцкистов и т. п.», – делился работник Внуковской таможни Ю.М. Шубников. Полагал, что это обвинение является

² Например, К.М. Симоновым новость об аресте Берии также была воспринята как «некое, еще не до конца обдуманное, инстинктивное облегчение, как нечто избавляющее нас от нависшей в воздухе опасности». Причем, как для него вскоре выяснилось, это чувство было «достаточно широко» распространено «среди необозримой массы людей». (Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 281).

следствием какой-то непонятной борьбы вверху, разнорабочий авиастроительного завода в Химках В.И. Лаврухин{185}.

Не поверили всем или большей части обвинений 10-11% опрошенных. «Такого быть не может!» – восклицала работница домоуправления в подмосковном поселке Лыткарино М.С. Ширкулова. Токарю завода п/я 30 в Каменске-Уральском Ф.Н. Соловьевой казалось, что «этот человек не мог совершить того, в чем его обвиняют». Ведь Берия был одним из ближайших соратников Сталина и одним из первых наследников его дела, – говорил преподаватель географии в одной из московских школ Ю.В. Кузнецов. «Его считали главным борцом с контрреволюцией», – говорил бригадир поездной бригады из Николаева В.А. Попов. Не поверили обвинениям офицер МВД в Германии А.И. Носков и многие его знакомые, они считали, что это следствие борьбы за власть. «Никаким обвинениям, естественно, не поверил» сотрудник органов госбезопасности в Тульской области А.П. Козюхов, которому вскоре пришлось переквалифицироваться в прокуроры{186}.